

— Слишком рискованно, — не одобрил обычно более взвешенный Се Лин. — Чтобы обмануть Хуянь Сюня, отряд для внезапной атаки не должен быть многочисленным. Но в таком случае нет уверенности, что нам удастся захватить царский двор. К тому же, если Хуянь Сюнь проведает обо всем раньше времени и повернет войска назад, мы наверняка окажемся в клещах.

Остальные командиры кивнули, думая о том же.

Однако Сяо Чжигэ, помолчав пару мгновений, глубоким голосом произнес:

— Я пойду сам.

Ци Вэй тут же нахмурился:

— Генерал не должен так рисковать! Если с вами что-то случится, боевой дух Яньчжоу будет сломлен!

Не будет преувеличением сказать, что все эти годы Сяо Чжигэ являлся главной опорой Яньчжоу. Пока он оставался здесь, воины и жители города, даже если у них оставался лишь последний вздох, готовы были сжимать зубы и насмерть стоять за городские стены. Он был для Яньчжоу самым небом. Но если небо рухнет, то и Яньчжоу не удержать.

Это было чересчур рискованно.

Остальные военачальники поддержали Ци Вэя, возражая против участия Сяо Чжигэ.

Сяо Чжигэ поднялся, сделал пару шагов и указал на царский двор Бэйди:

— В царском дворе Бэйди сейчас мало сил, к тому же там пылает междоусобица. Пяти тысяч человек хватит, чтобы застать их врасплох.

Помолчав, он добавил:

— К тому же правитель Бэйди и Хуянь Сюнь давно не ладят. Если Хуянь Сюнь с позором вернется в царский двор после поражения, его неизбежно привлекут к ответу. Но если правитель Бэйди погибнет... Хуянь Сюнь сможет занять его место.

Великий князь Золотого Ворона Хуянь Сюнь приходился правителю Бэйди родным братом. Отважный и опытный воин, он пользовался большой любовью народа Бэйди, из-за чего правитель давно опасался его и затаил вражду.

— Пять тысяч воинов на кону ради того, чтобы Бэйди распался на части, а Яньчжоу получил несколько лет покоя, — Сяо Чжигэ с суровым видом посмотрел на них. — Рискнем?

В зале совещаний воцарилось долгое молчание. Распад Бэйди и конец войне в Яньчжоу — для генералов, годами страдавших от набегов, это было слишком заманчивое предложение.

После затянувшегося молчания Ци Вэй заговорил первым:

— Да к черту все, рискуем! Но генерал идти не должен, пойду я! Отдать мою жизнь за половину Бэйди — оно того стоит!

— У старого Ци слишком пылкий нрав, он не подходит для скрытной атаки! Пустите меня, — возразил Се Лин.

Остальные командиры тоже заговорили, соревнуясь за право возглавить отряд.

Сяо Чжигэ слегка поднял руку, пресекая их споры, и отрезал тоном, не терпящим возражений:

— Пойду я. Местность Бэймо я знаю лучше всех.

Остальные хотели было возразить, но смущенно умолкли. И впрямь: все эти годы они бились лишь на границах Бэймо, и только Сяо Чжигэ заходил глубоко в пустыню и знал тамошние края лучше любого другого.

Видя их молчание, Сяо Чжигэ продолжил отдавать приказания:

— Сегодня ночью Хуянь Сюнь наверняка пойдет на штурм. Я покажусь на стенах, после чего командующим войсками станет Ци Вэй. Сам же я тайком уведу пять тысяч человек в обход, через тракт Амугу. Вам нужно лишь продержаться против Хуянь Сюня пять дней, и я гарантирую, что сокрошу царский двор!

Командиры некоторое время переглядывались и в итоге синхронно склонили головы:

— Мы не подведем!

Уладив все дела в войсках, Сяо Чжигэ ненадолго вернулся в поместье генерала.

Ань Чанцин еще не спал. При свете лампы он бережно шлифовал кусок темно-фиолетового нефрита. Этот камень был лучшим из оставшихся, редкого глубокого фиолетового цвета, размером с куриное яйцо. Ань Чанцин с первого взгляда влюбился в него, поэтому одолжил у старого мастера простые инструменты и сам потихоньку обрабатывал его.

В прошлой жизни, со скуки сидя в поместье, он по книгам выучился резьбе и пробовал обрабатывать камни. Правда, тогда у него не хватало инструментов, да и учился он сам, так что вырезал лишь незамысловатые узоры. Теперь же, когда под рукой оказался отличный материал, у него снова зачесались руки, и он одолжил у мастера резак, чтобы довести камень до ума.

— Но-но умеет обрабатывать нефрит? — удивился Сяо Чжигэ, но, заметив ранки на подушечках его пальцев, тут же нахмурился: — Почему не поручил мастеру?

Ань Чанцин уклончиво ответил, что прочел об этом в книгах:

— Хотел попробовать сам.

На самом деле ему вдруг захотелось сделать вещь для Сяо Чжигэ, но пока работа не была закончена, он не хотел раскрывать секрет.

Слыша, что юноша просто хотел попробовать, Сяо Чжигэ не стал портить ему настроение. Сдвинув брови, он достал мазь от порезов и принялся бережно смазывать ранки на его пальцах. Обработка камня — труд кропотливый, а Ань Чанцин долго не держал инструменты в руках и с непривычки несколько раз поранился.

— Впредь будь осторожнее, — не одобрил Сяо Чжигэ.

Ань Чанцин за его спиной тихонько сморщил носик и пробормотал:

— Да понял я... Нынче просто с непривычки случайно поранился.

Сяо Чжигэ закончил обработку порезов и убрал со стола мелкие инструменты:

— По вечерам это вредит глазам. Впредь занимайся этим днем.

Ань Чанцин, следуя за ним, послушно отозвался:

— Ох, хорошо.

Заметив его покладистость, Сяо Чжигэ немного разгладил лоб.

Убрав инструменты, они по очереди умылись в боковой комнате, после чего забрались на кровать и прижались друг к другу, беседуя. Сяо Чжигэ с самого возвращения выглядел хмурым. Ань Чанцин, полулежа и опираясь на него, увидел, как на лбу мужчины снова залегла глубокая складка. Протянув руку, он нажал пальцами ему на переносицу и прошептал:

— Ну почему ты опять хмуришься?

Внезапная атака на царский двор Бэйди была тайной операцией, о которой нельзя было говорить даже супругу. Сяо Чжигэ не хотел его тревожить, поэтому подал всё иначе:

— Сегодня ночью Хуянь Сюнь, скорее всего, поведет войска на штурм.

— Снова битва? — Ань Чанцин выпрямился, в его взгляде мелькнула тревога.

— Да. Я поведу войска на бой.

За то время, что Ань Чанцин провел в Яньчжоу, он наслушался историй и проникся к Сяо Чжигэ такой же слепой верой, как и все жители города. Посему он волновался уже не так сильно, как вначале:

— Тогда я буду ждать в городе возвращения князя с победой.

В глубине глаз Сяо Чжигэ блеснула улыбка. Сжав его ладонь, он твердо произнес:

— Да, я непременно вернусь.

Ань Чанцин растерянно кивнул, думая, что это обычное сражение, и не уловив тяжести в его словах.

.....

Поскольку этой ночью Хуянь Сюнь мог пойти на штурм, они так и не уснули. В городе казалось темно и тихо, но в военном лагере полным ходом шла перегруппировка сил — все готовились к грядущему бою.

В час Быка, в третью четверть, разведчики доложили: армия Хуянь Сюня находится в десяти ли от города.

Сяо Чжигэ облачился в доспехи и, попрощавшись с Ань Чанцином, отправился на битву.

Ань Чанцин проводил его взглядом. Сон окончательно пропал. Поразмыв, он попросил солдат принести лестницу и взобрался на крышу поместья, чтобы осмотреться.

В непроглядной тьме военного лагеря один за другим зажигались факелы, тревожные звуки рогов разрывали ночную тишину. В поместье генерала четко слышался чеканный шаг солдат. В домах горожан тоже одна за другой загорались лампы.

В час Тигра, едва воины Яньчжоу завершили приготовления к бою, со свистом подошла армия Хуань Сюня. Под оглушительный рокот барабанов за стенами города загремели крики битвы.

Ань Чанцин изо всех сил вытягивал шею, пытаясь разглядеть происходящее вдали, но видел лишь море огней да темную массу голов, подсвеченную огненными сполохами.

.....

Пока у городских ворот кипел лютей бой, Сяо Чжигэ во главе пяти тысяч закованных в броню воинов бесшумно мчался в сторону округа Чанжи. Выйдя из города в округе Чанжи и миновав тракт Амугу в обход основного поля битвы, они могли проникнуть в самое сердце Бэймо и выйти прямо к царскому двору Бэйди.

Автор имеет сказать:

Но-но: «Каждый раз заставляешь меня ждать! Всё, подарка не получишь!» (Дуется).

Трусишка: «...Я не обманывал» (Виновато).

Сражение за Яньчжоу длилось с наступления темноты до рассвета и от рассвета до новой темноты. Воины с обеих сторон бились насмерть. В сполохах огня мелькали клинки и копья, брызгала кровь, окрашивая землю под ногами. Когда раздался сигнал к отступлению, за стенами города простирались реки крови и поля, усыпанные трупами.

Ань Чанцин сидел на крыше поместья генерала, провожая одну ночь и встречая следующую.

Ворота Яньчжоу оставались наглухо закрыты, а на городских стенах смутно виднелись силуэты дозорных.

За эти сутки Сяо Чжигэ так и не вернулся. Ань Чанцин уже валился с ног и по уговорам Чжоу Хэланя наконец спустился с крыши. Быстро умывшись, он улегся спать.

Однако на следующий день еще до рассвета Ань Чанцин проснулся сам. Из-за стен города снова слышались глухие крики сражения — видно, Бэйди начали второй штурм. Весь этот день Ань Чанцин провел в поместье, никуда не выходя. Когда тревога становилась невыносимой, он доставал темно-фиолетовый нефрит и кропотливо шлифовал его, заставляя себя успокоиться.

Каменная корка с поверхности нефрита была полностью снята, открыв прозрачную, глянцевую сердцевину. Бережно разглядывая камень на ладони, Ань Чанцин в конце концов решил вырезать из него печать — в подарок Сяо Чжигэ для личного пользования.

Бесформенному куску фиолетового нефрита придавали гладкие, округлые формы. Незаметно прошел еще один день, а Сяо Чжигэ так и не вернулся в поместье. К вечеру Ань Чанцин вспомнил наказ мужчины о том, что обработка камня по вечерам портит глаза, отложил нефрит и вместе с Чэнь Су вышел на улицу подышать свежим воздухом.